Научная статья
УДК 342.9(470)"185/191"; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-3-70-78

ЭВОЛЮЦИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

✉Мажажихов Алим Аскербиевич;
Викторов Валерий Германович;
Тамбиев Тимур Артурович.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
✉mazhazhih@igps.ru

Аннотация. Институт государственного контроля в Российской империи долгое время оставался в тени исследований, посвященных политической истории, хотя именно от его эффективности напрямую зависела жизнеспособность самодержавного аппарата. В фокусе настоящего исследования – поиск имперской властью баланса между карательными мерами и превентивным надзором за чиновничеством в период с середины XIX в. до начала XX в. Отталкиваясь от норм Уложения о наказаниях 1845 г., автор прослеживает, как государство пыталось искоренить системное мздоимство и казнокрадство, постепенно переходя от суровых, но часто малоэффективных репрессий к созданию разветвленной сети финансового и административного аудита. Особое внимание уделено реформе Государственного контроля 1892 г. и специфике ведомственного надзора, что иллюстрируется на примере борьбы с должностными преступлениями в таможенной службе. Методологическую основу составили историко-правовой и институциональный подходы. В работе доказывается, что, несмотря на институциональное усложнение контрольных функций, сохранение корпоративной замкнутости чиновничества и отсутствие независимого общественного надзора сделали профилактику коррупции уязвимой.

Ключевые слова: Российская империя, государственный аппарат, коррупция, мздоимство, Государственный контроль, Уложение о наказаниях 1845 г., административный надзор, чиновничество, превенция правонарушений, таможенная служба

Для цитирования: Мажажихов А.А., Викторов В.Г., Тамбиев Т.А. Эволюция мер государственного контроля и профилактики коррупции как инструмента обеспечения целостности государственного аппарата (середина XIX – начало XX в.) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 3 (72). С. 70–78. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-3-70-78

Scientific article

EVOLUTION OF STATE CONTROL AND CORRUPTION PREVENTION MEASURES AS AN INSTRUMENT FOR ENSURING THE INTEGRITY OF THE STATE APPARATUS (MID-19th CENTURY – EARLY 20th CENTURY)

✉Mazhazhikhov Alim A.;
Viktorov Valery G.;
Tambiev Timur A.
Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
✉mazhazhih@igps.ru

Abstract. The institution of state control in the Russian Empire has often been overshadowed by political history studies, despite its direct impact on the viability of the autocratic apparatus. This research focuses on the imperial government's search for a balance between punitive measures and preventive oversight of the civil service from the mid-19th to the early 20th century. Starting with the Penal Code of 1845, the study traces how the state attempted to eradicate systemic bribe-taking and embezzlement, gradually shifting from harsh but largely ineffective reprisals to the creation of a complex network

© Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2026

of financial and administrative audits. Particular attention is given to the 1892 State Control reform and the specifics of departmental supervision, illustrated by the fight against official crimes in the customs service. The methodological framework combines historical-legal and institutional approaches. The paper argues that despite the institutional complication of control functions, the preservation of the corporate isolation of the bureaucracy and the lack of independent public oversight left corruption prevention highly vulnerable.

Keywords: Russian Empire, state apparatus, corruption, bribe-taking, State Control, Penal Code of 1845, administrative oversight, civil service, crime prevention, customs service

For citation: Mazhazhikhov A.A., Viktorov V.G., Tambiev T.A. Evolution of state control and corruption prevention measures as an instrument for ensuring the integrity of the state apparatus (mid-19th century – early 20th century) // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 3 (72). P. 70–78. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-3-70-78

Проблема обеспечения целостности государственного аппарата и удержания чиновничества от злоупотребления властью носит сквозной характер для российской истории. Обращение к имперскому опыту середины XIX – начала XX в. сегодня продиктовано не просто академическим интересом. Как показывают современные исследования эволюции государственного управления на постсоветском пространстве, многие институциональные ловушки и паттерны поведения бюрократии демонстрируют удивительную историческую инерцию [1]. Поиск баланса между репрессивным воздействием и превентивным надзором, с которым столкнулась имперская власть в пореформенный период, во многом перекликается с вызовами, стоящими перед современными моделями государственной службы, где формальные антикоррупционные механизмы нередко сталкиваются с проблемой их реального внедрения в повседневные административные практики [2].

Изучение заявленной темы опирается на солидный пласт историографии, хотя фокус исследовательского внимания со временем заметно сместился. Фундаментальное понимание устройства самодержавной бюрократии было заложено в трудах П.А. Зайончковского [3] и Н.П. Ерошкина [4], чьи работы до сих пор остаются непревзойденным ориентиром в вопросах генезиса правительственного аппарата и его сословно-корпоративных основ. Современные историки обращаются к анализу конкретных управленческих практик. Ремнев А.В. [5] подробно рассматривал механизмы принятия решений на уровне высших органов власти, а А.Н. Бикташева [6] обратила внимание на специфику надзора за региональными органами власти и чиновниками. Отдельного внимания заслуживают подходы к теоретическому осмыслению правового прогресса, позволяющие оценивать исторические реформы не как линейный процесс, а как сложную реакцию государственной системы на внутренние кризисы [7]. С другой стороны, изменению предупредительных мер административного контроля уделяется меньше научного внимания, уступая место изучению политической истории или коррупционных событий.

Исследование охватывает период с середины XIX до начала XX в., в течение которого государственный аппарат Российской империи переживал сложную трансформацию. Предметную область составляют нормативные акты и институциональные практики, направленные на контроль за чиновничеством и профилактику должностных правонарушений. Цель исследования состоит в анализе практики государства постепенного смещения логики устрашения, закрепленной в раннем законодательстве, к практике выстраивания организационно-административной конструкции ведомственного и надведомственного контроля. Методологический инструментарий исследования основан на сочетании историко-правового и системно-структурного подходов, что позволяет не только анализировать законодательные нормы, но и выявлять связи с реальными условиями функционирования бюрократической системы того периода.

В середине XIX в. российское законодательство было направлено на суровость наказания, рассматривая страх как главный сдерживающий фактор правонарушения. Ключевым документом, отражающим подход власти к должностным преступлениям, стало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. [8]. В этом документе максимально детализировались составы преступлений, была введена в оборот специальная терминология: «мздоимство» (получение взятки за действия в пределах служебных полномочий), «лихоимство» (вымогательство или получение мзды за незаконные действия), казнокрадство и служебный подлог. Жесткость санкций впечатляла: Уложение предусматривало лишение всех прав состояния, ссылку на каторжные работы, телесные наказания для низших чинов. Однако сама логика закона выдавала его слабость. Государство словно признавалось в неспособности обеспечить повседневный надзор, компенсируя это чудовищной строгостью приговоров в случае разоблачения. На практике эта система давала сбой. Громоздкость судопроизводства, корпоративная солидарность следователей и круговая порука приводили к тому, что до реального приговора доходили лишь единичные, чаще всего случайные дела. Суровость закона парадоксальным образом обесценивала его превентивный эффект, превращая наказание в лотерею, а не в неизбежное последствие правонарушения.

Особую остроту проблема целостности аппарата приобретала на местах, вдали от столичных кабинетов. Губернатор, будучи представителем верховной власти в регионе, одновременно являлся главой местного административного аппарата, что создавало фундаментальный конфликт интересов. Как убедительно показано в исследованиях А.Н. Бикташевой, ведомственный контроль внутри губернии оказывался фикцией: подчиненные редко решались доносить на начальство, а жалобы извне тонули в бюрократической переписке [6]. Единственным относительно действенным инструментом проверки оставались сенаторские ревизии. Прибытие сенатора-ревизора становилось для губернии настоящим потрясением, вскрывавшим клубки злоупотреблений, казнокрадства и фальсификации отчетности. Но сам по себе институт ревизий носил эпизодический, «пожарный» характер. Государство не имело ресурсов для перманентного мониторинга ситуации в десятках губерний, что позволяло местной бюрократии успешно скрывать пороки в промежутках между визитами высоких столичных гостей.

Сами же причины укоренения коррупционных практик лежали гораздо глубже плоскости уголовного права. Зайончковский П.А. в своем фундаментальном труде обращал внимание на то, что самодержавная бюрократия была заражена системными пороками, которые невозможно было вылечить одними лишь указами [3]. Хронически низкие оклады, особенно у чиновников нижних и средних классов, вынуждали их искать способы «кормления» за счет просителей. К этому добавлялась сословная замкнутость, когда чиновник воспринимал должность не как публичную службу, а как личную вотчину и источник ренты. Волокита и бюрократический формализм создавали идеальную среду для мелкого мздоимства: чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, проситель сам был заинтересован в том, чтобы «подмазать колеса административной машины». В этих условиях борьба с коррупцией превращалась для власти в борьбу с собственной тенью, заставляя императорское правительство во второй половине XIX в. искать совершенно новые, институциональные формы контроля, выходящие за рамки привычной уголовной репрессии.

Осознание того, что одними лишь уголовными карами и редкими инспекциями дыры в бюджете не залатать, приходило к имперской власти мучительно и не сразу. На первых порах бремя обеспечения законности ложилось на плечи высших управленческих институтов, чья архитектура была для этого плохо приспособлена. Система предполагала, что верховный надзор за дисциплиной чиновничества будет осуществляться непосредственно из центра, в ручном режиме. В этой парадигме особая роль отводилась Комитету министров. Как детально реконструировал в своих трудах А.В. Ремнев, это учреждение выступало не просто совещательным органом при императоре, а высшей административной инстанцией, через жернова которой проходили дисциплинарные дела,

жалобы на действия губернаторов и межведомственные конфликты [5]. Министры, заседая в Комитете, должны были удерживать подчиненные им структуры от выхода за правовые рамки. Однако на практике этот механизм, по сути, не работал, возникал конфликт интересов – министр контролировал сам себя или своих ближайших соратников. Признавать системные проблемы и факты казнокрадства в собственном ведомстве означало публично расписываться в некомпетентности перед монархом. В результате дела часто закрывались, а наказания подменялись мягкими административными выговорами.

Вместе с этим функционировал еще один инструмент надзора, носивший специфический характер – Собственная Его Императорского Величества канцелярия и, прежде всего, ее III Отделение. Если Комитет министров разбирал административные ситуации, то жандармы и чиновники тайной полиции занимались политическим и дисциплинарным сыском, собирая компромат на столичную и провинциальную бюрократию. Они пытались выявлять инициаторов мздоимства, ведя негласное наблюдение. Но и этот подход имел жесткие ограничения, так как Аппарат III Отделения был направлен на поиск политической неблагонадежности, а не на противодействие коррупции. Выявить коррупционера в казенной палате или уездного взяточника с помощью методов политического сыска оказалось крайне сложно. Высший надзор оставался реактивным, то есть власть реагировала на доносы, но не обладала инструментами для ежедневного мониторинга финансовых дел.

Ситуация начала меняться когда государство пришло к необходимости создания специализированного органа надзора, изолированного от исполнительной власти. Переход от эпизодических ревизий к системному контролю стал настоящей революцией в управлении империей, а ее началом стало принятие «Положения о Государственном контроле» 1892 г. [9]. Это был не просто очередной устав, а попытка внедрить в архаичную бюрократическую среду современные методы финансового менеджмента.

Достижением этой реформы стало закрепление за Государственным контролем статуса независимого ведомства. Теперь ревизоры не подчинялись тем министрам, чьи расходы они проверяли, а отвечали только перед императором. Это устраняло вертикально-интегрированную соподчиненность и давало ревизорам определенную степень независимости. Но главным достижением стало внедрение двойной системы контроля – предварительного и последующего.

Как отмечал Н.П. Ерошкин, именно предварительный контроль стал тем самым превентивным барьером, которого так не хватало Империи в предыдущие десятилетия [4]. Теперь ни одно значимое ассигнование, ни одна смета не могли быть реализованы без визы контрольного ведомства. Ревизоры проверяли не просто цифры на бумаге, а законность самих оснований для трат еще до того, как деньги покидали казначейство. Это был финансовый скальпель, отсекавший попытки заложить в бюджет фиктивные статьи или завышенные расценки.

Последующий контроль, в свою очередь, эволюционировал из формальной сверки бумаг в фактическую ревизию. Контролеры Госконтроля спускались на места, в уездные казначейства, на строительство казенных дорог и заводов, требуя предъявить акты выполненных работ, накладные и квитанции. Они искали не просто арифметические ошибки, а следы хищений, приписок и злоупотреблений. Появление на местах разветвленной сети контрольных палат означало, что государство наконец-то обрело собственные «глаза и уши» в регионах, способные ежедневно отслеживать состояние казны. Система перестала быть «пожарной» и превратилась в постоянно действующий механизм, который пусть и не мог искоренить коррупцию полностью, но делал ее масштабы предсказуемыми, а риски разоблачения – неизбежными.

Если общегосударственные институты контроля задавали рамки, то реальная эффективность профилактики должностных преступлений во многом определялась тем, как конкретные ведомства выстраивали внутреннюю систему надзора. Универсальных рецептов здесь не существовало. Таможня, например, оказывалась в принципиально ином положении,

чем, например, судебное ведомство или Министерство народного просвещения. Чиновник таможни ежедневно соприкасался с товарными потоками, живыми деньгами и соблазном колоссальных масштабов. Коррупционный риск здесь был не аномалией, а структурной данностью.

Как убедительно показали А.И. Глушков и А.М. Рябиков, таможенное ведомство было вынуждено формировать собственную, достаточно изощренную систему внутреннего надзора и сыска, во многом автономную от общегосударственных механизмов [10]. Специфика должностных преступлений на границе – соучастие чиновников в контрабанде, заведомо ложное оформление грузовых деклараций, «слепота» досматривающих офицеров за мзду – требовала не столько последующего аудита, сколько оперативной работы. Таможенное начальство заводило собственных негласных агентов, практиковало внезапные перемещения чиновников между заставами, чтобы не дать им обрасти связями с местными контрабандистами. Вводилась система перекрестных проверок, которая заключалась в том, что один пост досматривал груз, а другой пост без предупреждения мог перепроверить документы. По сути, это соответствовало полицейской операции, а не бухгалтерской ревизии.

С другой стороны, таможенная служба демонстрировала негативную сторону ведомственной автономии, в частности, замкнутость профессионального сообщества, корпоративная солидарность и негласные правила взаимовыручки создавали среду, в которой внутренний сыск терял результативность. Мелкий надзиратель, попавшийся на взятке в 10 руб., становился удобным объектом для показательного увольнения, тогда как крупные схемы с участием старших чиновников оставались нетронутыми. Ведомство защищало себя, а не закон.

Наряду с отраслевыми механизмами начали происходить изменения статуса государственной службы. В данном аспекте научный интерес представляет имперская практика антикоррупционных мер. Цевелев В.М. и Н.В. Капустина выделяют такие инструменты, как запрет на совмещение должностей, регулирование конфликта интересов и требования к имущественному положению чиновников [2]. В Российской Империи второй половины XIX в. эти элементы уже присутствовали, хотя и не были оформлены в единый антикоррупционный закон.

Чиновнику категорически запрещалось одновременно занимать должность по государственной службе и состоять членом правления акционерного общества или подрядчиком казенных работ. Формально это было именно то, что сегодня назвали бы «управлением конфликтом интересов». Существовали и требования к отчетности: чиновники определенных рангов обязаны были декларировать свои имущественные приобретения при вступлении в должность. Другое дело, что проверка достоверности таких деклараций носила скорее ритуальный характер. Никто не занимался сопоставлением доходов таможенного инспектора с его внезапно приобретенным доходным домом в Петербурге. Механизм существовал на бумаге, но отсутствовал институт, способный и желающий его реально активировать. Сословная замкнутость делала свое дело: проверять «своего» было не принято.

К началу XX в. Российская Империя подошла с разветвленной, институционально оформленной системой контроля и аудита, которая, казалось бы, должна была надежно страховать государственный аппарат от разложения. Но этого не произошло. И дело было не в недостатке нормативных актов или слабости ревизоров.

Зайончковский П.А. в своем исследовании правительственного аппарата самодержавия зафиксировал то, что можно назвать «системным параличом воли» [3]. Бюрократия научилась обходить контрольные механизмы, не вступая с ними в открытый конфликт. Чиновники выработали изощренные техники «бюрократического саботажа»: документы готовились таким образом, чтобы формально удовлетворять требованиям ревизоров, но, по существу, оставались фикцией. Ассигнования проводились через десяток

промежуточных инстанций, размывая ответственность. Предварительный контроль Госконтроля при всей его строгости был бессилен, если сами первичные документы – накладные, акты, сметы – фабриковались на месте с безупречной юридической точностью.

К этому добавлялась политизация контрольных функций. В условиях нарастающего революционного давления и межминистерской борьбы аппарат Госконтроля все чаще использовался не для обеспечения финансовой дисциплины, а как инструмент давления на политических оппонентов. Ревизия становилась способом сместить неугодного министра или губернатора, а не инструментом поиска истины. Контроль терял свою надпартийность, а вместе с ней и доверие со стороны самих подконтрольных структур.

Революция 1905 г. и последующие потрясения нанесли по системе контроля удар, от которого она уже не оправилась. Появление Государственной думы формально вводило элемент общественного надзора за бюджетом, но на практике лишь усложняло и без того запутанные процедуры. В 1913 г. юрист А.Я. Эстрин впервые в России вводит в научный оборот термин «коррупция» в своей научной работе «Взяточничество», опубликованной в «Трудах кружка уголовного права при Санкт-Петербургском университете». Первая мировая война окончательно разрушила административный каркас: мобилизация забрала из ведомств квалифицированных чиновников, инфляция обесценила оклады до уровня, при котором «кормление» от просителей стало вопросом физического выживания, а не морального выбора. В этих условиях даже самый совершенный аудиторский механизм превращался в бессмысленную формальность.

Государственный аппарат не был побежден внешним врагом. Он саморазрушился изнутри, не сумев преодолеть собственную корпоративную замкнутость. Отсутствие независимого суда, гласного общественного контроля и реальной политической конкуренции означало, что профилактика коррупции держалась исключительно на доброй воле верховной власти. Когда эта воля дрогнула под давлением войны и революции, вся выстроенная за полвека конструкция рухнула в считанные месяцы.

Таблица 1

Эволюция парадигм и механизмов противодействия коррупции в государственном аппарате Российской империи (середина XIX – начало XX в.)

Период	Доминирующая парадигма	Ключевые инструменты	Ограничения
Середина XIX в.	Карательно-репрессивная	Уложение о наказаниях 1845 г.; сенаторские ревизии; надзор Комитета министров	Эпизодичность проверок; несоразмерность санкций и реальной практики; отсутствие повседневного мониторинга
Вторая половина XIX в.	Институционально-аудиторская	Реформа Государственного контроля 1892 г.; предварительный и последующий финансовый контроль; независимость ведомства от министерств	Бюрократизация самого контроля; формализм документальных проверок; ведомственная ревность
Рубеж XIX–XX вв.	Отраслевая и превентивная	Внутренний сыск в таможне; ротация кадров; антикоррупционные ограничения (несовместимость должностей, имущественная отчетность)	Корпоративная замкнутость; ритуальный характер проверок; отсутствие независимого арбитра
Начало XX в.	Системный кризис	Формальное сохранение всех ранее созданных институтов; попытки парламентского контроля через Думу	Бюрократический саботаж; политизация ревизий; война и революция разрушили кадровый и финансовый каркас системы

Проведенное исследование позволяет зафиксировать достаточно отчетливую траекторию: на протяжении второй половины XIX в. имперская власть прошла путь от примитивной логики устрашения к попыткам выстроить сложный, многоуровневый институт финансового и административного аудита. Если Уложение о наказаниях 1845 г. предлагало чиновнику выбор между служебной честностью и каторгой, то реформа Государственного контроля 1892 г. впервые в российской истории попыталась предотвратить хищение на стадии планирования расходов, превращая надзор из карательного инструмента в управленческую технологию. Однако эта эволюция не была ни линейной, ни завершенной.

Коренной парадокс самодержавной антикоррупционной политики состоял в том, что она пыталась «вылечить болезнь», не трогая ее источник. Целостность государственного аппарата обеспечивалась преимущественно репрессивными и сословно-дисциплинарными механизмами, которые работали лишь до тех пор, пока бюрократия признавала верховную власть единственным арбитром. Независимый суд отсутствовал. Общественный контроль в современном понимании слова не существовал. Гласность была ограничена цензурой, а политическая конкуренция подавлялась как угроза государственному строю. В таких условиях государственный контроль (надзор) как механизм противодействия коррупции превращается в бюрократический инструмент. Чиновничество превращалось в замкнутую профессиональную среду, для которой внешний контроль воспринимался как посягательство на сословную привилегию, а не как гарантия законности.

Исторический опыт Российской Империи свидетельствует о том, что в современной теории правового регулирования обозначается как проблема формализации без легитимации. Государственный контроль (надзор) как механизм противодействия коррупции эффективен только тогда, когда есть неотвратимость наказания для высших должностных лиц власти и реальная возможность общества оспорить действия чиновника в независимом суде. При этом одной воли монарха недостаточно. В этом случае правовой прогресс не сводится к накоплению нормативных актов, а предполагает качественное изменение самой сути правоотношений, включая доверие между государством и гражданином, без чего любые контрольные институты власти могут лишь имитировать борьбу с коррупцией. Развитие правового регулирования системы государственного управления на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что многие рудименты имперской эпохи (корпоративная замкнутость чиновничества, формализм отчетности и контроля, избирательность наказания) обладают исторической преемственностью. Имперский опыт служит в этом контексте предостережением – никакое усложнение контрольных процедур не способно заменить политическую волю к прозрачности.

Список источников

1. Барциц И.Н. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Российская Федерация – Россия // Государственная служба. 2022. № 5 (139). С. 67–118.

2. Цевелев В.М., Капустина Н.В. Антикоррупционные механизмы в системе государственной службы // Вестник евразийской науки. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnye-mehanizmy-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby (дата обращения: 04.08.2026).

3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: учеб. для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

5. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.

6. Бикташева А.Н. Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX века) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 3. С. 103–109.

7. Архипов С.И. Представления о правовом прогрессе в советском правоведении // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. С. 5–14.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XX. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 1–282.

9. Положение о Государственном контроле 1892 г. // Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 2. Изд. 1892 г. СПб.: Гос. тип., 1892.

10. Глушков А.И., Рябиков А.М. Противодействие должностным таможенным преступлениям Российской империи в XIX – начале XX века // Вестник ПАГС. 2021. № 3. С. 35–43.

References

1. Barcic I.N. Evolyuciya gosudarstvennogo upravleniya v stranah postsovetskogo prostranstva. Rossijskaya Federaciya – Rossiya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2022. № 5 (139). S. 67–118.

2. Cevelev V.M., Kapustina N.V. Antikorrupcionnye mekhanizmy v sisteme gosudarstvennoj sluzhby // Vestnik evrazijskoj nauki. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnye-mehanizmy-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby (data obrashcheniya: 04.08.2026).

3. Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M.: Mysl', 1978. 288 s.

4. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii: ucheb. dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie». 3-e izd., pererab. i dop. M.: Vyssh. shk., 1983. 352 s.

5. Remnev A.V. Samoderzhavnoe pravitel'stvo. Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: ROSSPEN, 2010. 511 s.

6. Biktasheva A.N. Nadzor i nakazaniya gubernatorov (pervaya polovina XIX veka) // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2007. № 3. S. 103–109.

7. Arhipov S.I. Predstavleniya o pravovom progresse v sovetskom pravovedenii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2024. S. 5–14.

8. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2-e. T. XX. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1846. S. 1–282.

9. Polozhenie o Gosudarstvennom kontrole 1892 g. // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. I. Ch. 2. Izd. 1892 g. SPb.: Gos. tip., 1892.

10. Glushkov A.I., Ryabikov A.M. Protivodejstvie dolzhnostnym tamozhennym prestupleniyam Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX veka // Vestnik PAGS. 2021. № 3. S. 35–43.

Информация о статье:
Поступила в редакцию: 04.08.2026
Принята к публикации: 30.09.2026
The information about article:
Article was received by the editorial office: 04.08.2026
Accepted for publication: 30.09.2026

Информация об авторах:
Мажажихов Алим Аскербиевич, заместитель начальника кафедры управления и экономики Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат экономических наук, доцент, e-mail: mazhazhih@igps.ru, https://orcid.org/0000-0003-2862-7529, SPIN-код: 3637-4514
Викторов Валерий Германович, доцент кафедры экономики и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат педагогических наук, e-mail.: v.victorov.2011@mail.ru, SPIN-код: 4399-9201
Тамбиев Тимур Артурович, слушатель факультета подготовки кадров высшей квалификации Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail.: tambiev-2000@mail.ru
Information about the authors:
Mazhazhikhov Alim A., deputy head of the department of management and economics of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of economic sciences, associate professor, e-mail: mazhazhih@igps.ru, https://orcid.org/0000-0003-2862-7529, SPIN: 3637-4514.
Viktorov Valery G., associate professor of the department of economics and law of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of pedagogical sciences, e-mail: v.victorov.2011@mail.ru, SPIN: 4399-9201
Tambiev Timur A., student of the faculty of advanced training of personnel of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: tambiev-2000@mail.ru